

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5
М60

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Н. Холодковского*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
Е. Фerez

Мильтон, Джон.

М60 Потерянный рай : [поэма] / Джон Мильтон ; [перевод с английского Н. Холодковского]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-121233-9

«Потерянный рай» — гениальная поэма Мильтона, благодаря которой он стал одним из известнейших английских поэтов своего времени. Поэма основана на библейском сюжете падения человека и изгнания его из Рая. Как писал Мильтон в Книге Первой, его цель состояла в том, чтобы оправдать путь Бога людям (в оригинале «justify the ways of God to men»).

Поэма представлена в переводе Николая Холодковского.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Эта первая книга излагает вкратце главный предмет — непослушание человека и потерю вследствие этого Рая, в котором он жил; затем она касается первой причины его падения — змеи или, точнее, Сатаны в образе змеи. Сатана, восстав против Бога и привлеки на свою сторону многие легионы Ангелов, был по повелению Божию низвержен, со всею своей ордой, с Небес в глубокую бездну. Не вдаваясь в описание этого события, поэма быстро переходит к главному действию, изображая Сатану и его Ангелов в Аду, который описывается здесь лежащим не в центре Земли (так как предполагается, что небо и Земля еще не созданы и, конечно, еще не прокляты), а в месте величайшей тьмы, которое лучше всего назвать Хаосом. Здесь Сатана с его Ангелами лежат в пылающем озере, пораженные и оглушенные громом. Через некоторое время он оправляется от своего смущения и обращается к лежащему около него Ангелу, который по чину и достоинству ближе к нему, чем все прочие; они беседуют о своем жалком падении. Сатана пробуждает все свои легионы, которые все еще лежат в беспамятстве. Они встают.

Описывается их численность, боевое вооружение; поименовываются их главные вожди, соответствующие идолам, которые впоследствии почитались в Хаанаане и соседних странах. Сатана обращается к ним с речью, утешает их надеждой на завладение Небесами снова и в заключение говорит о новом мире и предполагаемом новом роде созданий, согласно древнему пророчеству и рассказам, бытующим на Небесах (дело в том, что, по мнению многих древних Отцов Церкви, Ангелы существовали задолго до появления видимых созданий). Для исследования истинности этого пророчества и для принятия решения, что следует делать ввиду этого, Сатана предлагает собрать великий совет. Его сообщники принимают предложение. Возникает из бездны Пандемониум, дворец Сатаны, внезапно построенный его слугами, и адские вельможи держат в нем свой совет.

О первом непокорстве человека,
О запрещенном древе, о плоде,
Которого смертельное вкушенье
Смерть в мир внесло и с ней все наше горе,
С утратою Эдема, до поры,
Когда он Величайшим Человеком
Нам будет возвращен, когда мы будем
Вновь обладать обителью блаженства, —
Об этом всем поведай песню, Муза
Небесная, которою когда-то
Был вдохновлен с таинственных высот
Хорива иль Синая древний пастырь,
Избраннику-народу рассказавший
О первых днях, как Небо и Земля
Возникли из Хаоса! Иль, быть может,
Живешь ты на Сионской высоте,
Иль обитаешь там, где Силоамский

Ручей течет у Трона Божества;
Где б ни витала ты, я призываю
Тебя помочь моей отважной песне,
Полет которой гордо воспарит
Превыше гор Аонии, касаясь
Предметов, не достигнутых поднесь
Ни прозою, ни звучными стихами.

И Ты первой всего, Ты, Вышний Дух,
Который сердце чистое всем храмам
Предпочитаешь, — Ты меня наставь!
Ты знаешь все; в начале всех начал
Ты был; подобно матери-голубке,
Над выводком любовно распростершей
Лелеющие крылья, реял Ты,
Творя миры, над бездной бесконечной!
О, просвети все, что во мне темно;
Что низко, то возвысь, чтоб я, достигнув
Вершины долгой повести моей,
Мог подтвердить всю Промысла премудрость,
Пути Его раскрыть перед людьми.
Поведай — ибо ни в эфире Неба,
Ни в бесконечной Ада глубине
Ничто от взора Твоего не скрыто, —
Поведай о причине, побудившей
Великих прародителей, блаженством
Столь взысканных, любимых Небесами,
Поставленных владыками в сем мире, —
Внезапно от Создателя отпасть
И преступить запрет — запрет единый!
Кто их вовлек в постыдный тот мятеж?
То Адский Змий был; то его обман
Мать рода человеческого лестью
Пленил, когда за гордость он свою
Со всей толпою Ангелов мятежных
Низвергнут был с Небес. На помощь их

Надеясь твердо, он мечтал, став выше
Князей своих, сравниться со Всевышним,
Противостав Ему; честолюбиво
Поставив целью Трон и Царство Бога,
Повел он нечестивую войну
На Небесах и в бой вступил надменно.
Но тщетно он пытался! Всемогущий
Низверг его во пламени стремглав,
Разбитого, сожженного ужасно,
С высот Небес в бездонную погибель,
Чтоб там лежал в алмазных он цепях,
Терзался бы в огне неугасимом
За то, что вызвал Вышнего на бой.

И девять раз уже сменилось время,
Которым смертный мерит день и ночь,
Как он со всею ратью побежденной
Лежал, вращаясь в пламенной пучине,
Сражен и уничтожен, хоть бессмертен.
Но худший суд еще был впереди:
И мыслью об утраченном блаженстве
Терзался он, и болью страшных мук.
Вокруг себя водил он взор свой мрачный,
В котором отражалось униженье
Глубокое, но вместе с тем и гордость
Упрямая, и ненависть была;
И сколько взор охватывал бессмертный,
Он видел вкруг лишь дикую пустыню,
Со всех сторон лишь страшную тюрьму,
Пылавшую огнем, громадной печи
Подобно; но огонь тот был без света, —
Он порождал лишь видимую тьму,
В которой лишь возможно было видеть
Картины горя, области печали
И скорбной ночи — край, где никогда
Ни мира, ни покоя, ни надежды,

Повсюду проникающей, не будет,
Где лишь царит мученье без конца
И огненный поток, который серой,
Горящей вечно и неистощимой,
Питается. Таков был тот приют,
Который был мятежным уготован
Предвечной справедливостью, — темница
Отведена в удел им в крайнем мраке,
Который от небесного сиянья
И Бога трижды столько удален,
Как полюс отстоит от центра мира!
О, как несходно это место с тем,
Отколь они низвергнуты! И вскоре
В волнах огня крутящихся он видит
Вокруг себя собратий по паденью
И узнаёт, что, корчась, рядом с ним
Лежит один, к нему из всех ближайший
По чину и по преступленью, — тот,
Который был известен в Палестине
Впоследствии и звался Вельзевулом.
К нему-то обратился Архивраг,
(На небе имя Сатаны стяжавший),
Прервав молчанье страшное вокруг,
С такою речью, дерзкой и надменной:

«Ужели это ты? О, как ты пал!
Как страшно изменился ты, который
Сияньем ослепительным своим
Превосходил в блаженном царстве света
Других, сиявших ярко, мириады!
Ты ль это, кто соединен со мной
Союзом, мыслью, планами, надеждой,
Отвагой в нашем славном предприятии,
А ныне — униженьем и бедой!
Теперь ты видишь сам, в какую пропасть
С высот Небес низвергнул нас Сильнейший

Своим ужасным громом; но дотолѣ
Кто ж зналъ всю силу этого оружья
Жестокаго? Однако ж ни оттого,
Что пали мы, ни оттого, что далее
Еще способен причинить нам в гнѣвѣ
Могучий победитель наш, нисколько
Я не раскаюсь и не изменюсь,
Хотя б мой внешний образ изменился.
Я сохраню навек всю твердость мысли
И гордое презрѣнье в оскорбленном
Достоинствѣ моем; я буду тверд
Во всем, что мне служило побужденьем,
Чтоб против Всемогущаго восстать,
Что привело бесчисленные рати
Вооруженных Духов к состязанью
Отважному. Дерзнули эти Духи
Власть Вышняго открыто не одобрить
И, предпочтя имѣть вождѣм меня,
Противостав великой силѣ силой,
В сомнительном бою в равнинах Неба
Поколебали Трон Его. Пускай
Мы потеряли эту битву — что же?
Не все еще потеряно: есть воля
Несокрушимая, есть жажда мести,
И ненависть бессмертная, и храбрость,
Которая вовек не подчинится
И не уступит никому, — и мало ль,
Что есть неодолимаго у нас?
И эту нашу славу не исторгнет
Ни ярость, ни могущество Его.
Склонить главу, молить о милосердыи,
Ставъ на колѣна, и боготворить
Владычество Его — Того, Который
Недавно сам в той власти усомнился
Из страха перед нами, — это было б
Действительно позорно; это было б

Бесславьем и стыдом гораздо худшим
Всего паденья нашего. Судьба
Велела, чтоб богов святая сила
И сущность их небесная была
Неистребима; ныне мы имеем
И опыт, нам доставленный событием
Великим тем; оружием не слабее,
Лишь осторожней стали мы теперь;
Тем с большею надеждою мы можем
Отважиться на вечную войну,
Решить ее иль силой, иль коварством,
Не примирясь с врагом великим нашим,
Хотя и торжествует ныне Он
И, предаваясь радости великой,
Царит один над небом, как тиран».

Так говорил отступник-Ангел, громко
Хвалясь средь мук, хотя его внутри
Глубокое отчаянье терзало.
Ему собрат отважный отвечал:

«О Князь, о вождь князей могучих многих,
Которые, ведомые тобой,
Вели на битву войско Серафимов
Вооруженных! Грозными делами,
Бесстрашные, поставили они
В опасность царство Вечного Владыки;
Не побоялись испытать, на чем
Основано его все превосходство —
На силе, или счастье, иль судьбе.
Я слишком вижу, слишком сожалею,
Как горестен исход попытки нашей,
Какое понесли мы поражение,
Какой удар позорный нас лишил
Небес и наши доблестные рати
В ужасном разрушении низложил!

Погибли мы, насколько могут боги
И существа небесные погибнуть;
Останутся, конечно, ум и дух
Непобедимы, сила вновь вернется,
Хотя потухла слава и блаженство
Поглощено безмерною бедой;
Но я боюсь, чтоб Он, наш победитель
(Его готов всеильным я считать
Затем, что лишь всеильный был способен
Такие силы одолеть, как наши), —
Чтоб не оставил Он нам дух и силу
Лишь для того, чтоб мы сильнее страдали
И муки наши тяжкие несли
В угоду гневной мести; чтоб, по праву
Войны, Ему рабами были мы,
Служили б больше прежнего, свершая
Его веленья в самом сердце Ада,
Его желанья — в этой бездне тьмы!
Тогда что пользы, если наша сила
Не меньше стала, наше бытие
Все так же вечно — лишь для вечной муки?»

Ему ответил быстро Архивраг:

«О падший Херувим! Кто слаб, тот жалок,
Страдает он иль действует; но знай —
Теперь для нас одно лишь несомненно:
Добра творить не будем мы вовек;
Творить лишь Зло — все наше утешенье,
Затем что этим мы противостанем
Высокой воле нашего врага.
Как только пожелает Провиденье
Из Зла, от нас идущего, создать
Добро, мы силы все свои приложим,
Чтоб эту цель благую извратить
И в самом благе отыскать возможность

Дурного. Если это будет часто
Нам удаваться, может быть, Его
Мы огорчим; быть может, помешаем
Свершению взлелеянных Им планов.
Но посмотри: наш грозный Победитель
Послушных слуг возмездья и погони
Уж отозвал назад к вратам Небес;
Град серный, вслед нам сыпавшийся бурно,
Уж перестал, и пламенные волны
Пучины, нас приявшей при паденьи
С Небес, уж улеглись, и страшный гром,
Крылами красных молний нас разивший,
Быть может, стрелы все свои истратил
И бушевать уже перестает
Среди громадной бесконечной бездны.
Воспользуемся случаем, который
Дает нам враг — быть может, из презренья.
А может быть, уж свой насытив гнев.
Ты видишь эту страшную равнину,
Пустынную и дикую, жилище
Отчаянья, в которой света нет,
Коль не считать сверканья синеватых
Огней, дающих бледный, грозный отблеск?
Пойдем туда, уйдем от колебанья
Волн пламенных — там отдохнем немного,
Насколько здесь нам отдых и покой
Возможен; там, собрав все наши силы,
Обдумаем, что сделать можем мы,
Чтоб отомстить врагу как можно больше;
Как наши все потери возместить
Иль перенести жестокое несчастье,
В надежде силы новые найти
Иль почерпнуть в отчаяньи решимость».

Так Сатана к ближайшему собрату
Вел речь, главу из пламени подняв;

Глаза его метали искры, тело ж
В волнах огня на много десятин,
Чудовищно громадно, простиралось,
Подобно исполинам древних мифов —
Сынам земли, титанам, воевавшим
С Юпитером, или Бриарею, иль
Тифону, что в пещере укрывался
В соседстве Тарса древнего, иль чуду
Морскому, что зовут Левиафаном,
Которое всех прочих Божьих тварей,
Что в океане плавают, громадней.
Когда вблизи норвежских берегов,
Так повествуют моряки, он дремлет,
Порою штурман маленького судна,
Крушение потерпевшего в ту ночь,
Его за остров примет в полумраке,
В чешуйчатую кожу якорь бросит
И к стороне подветренной пристанет,
Чтоб переждать, пока все море мгла
Покрыла, день желанный отдаляя.
Так точно Архивраг лежал, простертый
Во всю свою громадную длину,
К пылающему озеру прикован;
И никогда б не поднял он главу,
Не встал бы, если б не соизволение
Небесной воли, правящей всем миром,
Которое его освободило
Для мрачных, злобных замыслов его,
Чтоб он, возобновив свои злодейства,
Свое лишь осуждение усугубил,
Чтоб он, стараясь Зло принести другим,
Лишь к своему же бешенству узрел бы,
Что все его коварство послужило
Лишь к проявлению благости безмерной,
Любви и милосердия к человеку,

Им соблазненному; а на него
Втройне излился б дождь смущенья, гнева
И мести. Вот во весь он рост встает
Из озера, по сторонам стекает
Спиральными с него струями пламя,
И волны раздвигаются, оставив
В середине яму страшную; а он,
Расправив крылья, свой полет могучий
Ввысь устремляет, в темный воздух, ныне
Впервые эту чувствующий тяжесть,
И наконец становится на сушу,
Насколько можно сушею назвать
То, что всегда сухим огнем пылает,
Как озеро огнем пылало жидким.
А цвет той суши был таков, как будто
Подземным вихрем от Пелора холм
Оторван был иль от гремящей Этны
Бок откололся и открылась разом
Вся внутренность горячая ее
И вдруг, воспламенясь с ужасным взрывом,
Парами минеральными взвилась
И вихрем обожженную пещеру
Покинула, оставив дым и смрад.
Такую-то нашла себе опору
Проклятая нога. За ним вослед
Вступил сюда его собрат ближайший,
И оба тем гордились они,
Как будто волн Стигийских избежали
Они, как боги, собственною силой,
Не попущеньем Вышней Силы Сил.

«Ужели эта область, эта почва, —
Сказал Архангел падший, — будет нам
Жилищем вместо Неба, мрак плачевный
Заменит нам сияние Небес?»

Пусть будет так: кто ныне воцарился,
Тот всем располагает; от Него
Зависит, что считаться будет правом.
Чем дальше от Него, тем лучше; ум
Имеет Он нам равный; только сила
Поставила Его превыше равных.
Простите же, блаженные поля,
Где радость вечно царствует! Привет вам,
О ужасы, привет, о Адский мир!
Прими, бездонный Ад, прими отныне
Ты нового Владыку своего!
В себе он носит дух, не изменимый
Ни временем, ни местом; этот дух —
Себе сам место: Небо может Адом
Соделать он, Ад — в Небо превратить.
Не все ль равно, где быть, когда все тот же
Я сам — таков, каким я должен быть,
Слабее лишь Того, Кто стал сильнее
Благодаря лишь грому своему?
Что ж, здесь, по крайней мере, мы свободны;
Не столь прекрасным сделал это место
Всесильный, чтоб завидовал Он нам,
И, верно, нас отсюда не прогонит;
Здесь царствовать спокойно будем мы,
А царствовать, по мне, для честолюбья
Достойная есть цель, хотя б в Аду:
Царем в Аду быть лучше, чем слугою
На Небесах. Но что же медлим мы?
Зачем друзьям нелицемерным нашим,
Союзникам, делящим наш урон,
Даем лежать мы в озере забвенья
В оцепененьи, не зовем их встать,
Чтоб разделить в печальном сем жилище
Удел наш, иль еще раз испытать,
Собрав все силы, что вернуть могли бы
Мы в Небе или потерять в Аду?»

Так Сатана промолвил; Вельзевул же
Сказал ему: «О Вождь блестящих войск,
Которых мог осилить лишь Всесильный!
Едва они услышат голос твой,
Любимейший для них залог надежды
В опасности и страхе, столько раз
Им в крайности звучавший, в буре битвы
И на краю гибели вернейший
Сигнал во всех атаках, — вмиг они
Все оживут, к ним мужество вернется,
Хотя теперь лежат они все ниц,
В том озере горящем пресмыкаясь,
Как мы с тобой лежали, смущены,
Оглушены; и странного нет в этом:
С такой они упали высоты!»

Едва окончил он, как Враг верховный
Уж к берегу пошел; тяжелый щит
Эфирной ткани, круглый и массивный,
Висел за ним; широкая окружность
Была подобна месяцу, когда
Мы смотрим на него в трубу, подобно
Тосканскому искуснику, который
Рассматривал луну по вечерам
С высот Фьезолы или из Вальдарно,
Надеясь на ее пятнистом шаре
Увидеть страны новые, иль реки,
Иль горы. Сатана держал в руках
Копье свое, в сравнении с которым
И самая высокая сосна
Из тех, что рубят на горах норвежских
Для адмиральских кораблей, могла б
Тростинкой показаться. Опираясь
На то копьё, неверными шагами
Он по горячей почве шел — не так,
Как по небесной он шагал лазури!